

Михаил Алексеевич Кузмин

Нездешние вечера

(Стихи 1914-1920 годов)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-1
ББК 84-5

Михаил Алексеевич Кузмин

Нездешние вечера: (Стихи 1914-1920 годов) / Михаил Алексеевич Кузмин –
М.: Книга по Требованию, 2011. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-2944-5

Михаил Алексеевич Кузмин - поэт, прозаик, переводчик, видная фигура
"Серебряного века".

Художественная манера Михаила Кузмина своеобразна, артистична, а
творчество пронизано искренним поэтическим чувством.

ISBN 978-5-4241-2944-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Кузмин Михаил
Нездешние вечера (Стихи
1914-1920)

Михаил Кузмин
Нездешние вечера
Стихи 1914-1920
381

О, нездешние
Вечера!
Злато-вешняя
Зорь пора!
В бездорожки
Звезды Божьи,
Ах, утешнее,
Чем вчера.
Все кончается,
Позабудь!
Уж качается
Сонно муть.
Ропот спора
Скоро, скоро
Увенчается
Розой грудь,
Сладко просится
В сердце боль
В небо броситься
Нам дозволю!
Легким шагом
По оврагам
Благоносица
Божьих воль.
Божья клироса
Дрогнет зверь.
Все открылося,
Друг, поверь.
Вдруг узнали
(Ты ли, я ли):
Не закрылася
Счастья дверь.
1919

I. ЛОДКА В НЕБЕ

382
Я встречу с легким удивленьем
Нежданной старости зарю.
Ужель чужим огнем горю?
Волнуюсь я чужим волненьем?
Стою на тихом берегу,
Далек от радостного бою,
Следя лишь за одним тобою,
Твой мир и славу берегу.

Теперь и пенного Россини
По-новому впиваю вновь
И вижу только чрез любовь,
Что небеса так детски сини.
Бывало, плача и шутя,
Я знал любовь слепой резвущкой,
Теперь же в чепчике, старушкой,
Она лишь пестует дитя.

1915

383

Весны я никак не встретил,
А ждал, что она придет.
Я даже не заметил,
Как вскрылся лед.
Комендантский катер с флагом
Разрежет свежую гладь,
Пойдут разнеженным шагом
В сады желать.
Стало сразу светло и пусто,
Как в поминальный день.
Наползает сонно и густо
Тревожная лень.
Мне с каждым утром противней
Заученный, мертвый стих...
Дождусь ли весенних ливней
Из глаз твоих!?

1915

384

Как месяц молодой повис
Над освещенными домами!
Как явственно стекает вниз
Прозрачность теплыми волнами!
Какой пример, какой урок
(Весной залога сердце просит)
Твой золотисто-нежный рог
С небес зеленых нам приносит?
Я трепетному языку
Учусь апрельскою порою.
Разноречивую тоску,
Клянусь, о, месяц, в сердце скрою!
Прозрачным быть, гореть, манить
И обещать, не обещая,
Вести расчисленную нить,
На бледных пажитях мерцая!

1915

385

М. Бамдасу

Ведь это из Гейне что-то,
А Гейне я не люблю.
Твой шепот, полудремота
Весенняя, я ловлю.
Во Франкфурте, что на Майне,
Серенький, теплый денек,
Обречен я сладкой тайне
И свято ее сберег.
Зовут Вас фрейлейн Ревекка,
А может быть, фрау Рахиль.
Про Вас говорили от века
Песни, картина ль, стихи ль.
Увижу ль хоть край одежды?
Откроется ль новый мир?
Поэту так мало надежды:
Отец Ваш - важный банкир.
На крыши надменных зданий,
Дождик, слезы пролей!
Из всех прощенных страданий
Страданья любви - светлей.

[1916]

386

Разбукетилось небо к вечеру,
Замерзло окно...
Не надо весеннего ветра,
Мне и так хорошо.
Может быть, все разрушилось,
Не будет никогда ничего...
Треск фитиля слушай,
Еще не темно...
Не навеки душа замуравлена
Разве зима - смерть?
Алым ударит в ставни
Страстной четверг!

1917

387

Листья, цвет и ветка
Все заключено в одной почке.
Круги за кругами сеткой
Суживаются до маленькой точки.
Крутящийся книзу голубь
Знает, где ему опуститься.
Когда сердце делается совершенно голым,
Видно, из-за чего ему стоит биться.
Любовь большими кругами
До последнего дна доходит,
И близорукими, как у вышивальщиц, глазами

В сердце сердца лишь Вас находит.
Через Вас, для Вас, о Вас
Дышу я, живу и вижу,
И каждую неделю, день и час
Делаюсь все ближе и ближе.
Время, как корабельная чайка,
Безразлично всякую подачку глотает,
Но мне больней всего, что, когда вы меня
называете "Майкель",
Эта секунда через терцию пропадает.
Разве звуки могут исчезнуть
Или как теплая капля испариться?
В какой же небесной бездне
Голос Ваш должен отразиться?
Может быть, и радуга стоит на небе
Оттого, что Вы меня во сне видали!
Может быть, в простом ежедневном хлебе
Я узнаю, что Вы меня целовали.
Когда душа становится полноводной,
Она вся трепещет, чуть ее тронь.
И жизнь мне кажется светлой и свободной,
Когда я чувствую в своей ладони Вашу ладонь.

1916

388

У всех одинаково бьется,
Но разное у всех живет.
Сердце, сердце, придется
Вести тебе с небом счет.
Что значит: "сердечные муки"?
Что значит: "любви восторг"?
Звуки, звуки, звуки
Из воздуха воздух исторг.
Какой же гений налепит
На слово точный ярлык?
Только слух наш в слове "трепет"
Какой-то трепет ловить привык.
Любовь сама вырастает,
Как дитя, как милый цветок,
И часто забывает
Про маленький, мутный исток.
Не следил ее перемены
И вдруг... о, Боже мой,
Совсем другие стены,
Когда я пришел домой!
Где бег коня без уздечки?
Капризных бровей залом?
Как от милой, детской печки

Веем родным теплом.
Широки и спокойны струи,
Как судоходный Дунай!
Про те, про те поцелуй
Лучше не вспоминай.
Я солнце предпочитаю
Зайчику мерклых зеркал,
Как Саул, я нашел и знаю
Царство, что не искал!
Спокойно ль? Ну да, спокойно.
Тепло ли? Ну да, тепло.
Мудрое сердце достойно,
Верное сердце светло.
Зачем же я весь холодею,
Когда Вас увижу вдруг,
И то, что выразить смею,
Лишь рожденный воздухом звук?
1917

389. НОВОЛУНЬЕ

Мы плакали, когда луна рождалась,
Слезам серебристый лик омыли,
И сердце горестно и смутно сжалось.
И в самом деле, милый друг, не мы ли
Читали в старом соннике приметы
И с детства суеверий не забыли?
Мы наблюдаем вещие предметы,
А серебро пророчит всем печали,
Всем говорит, что песни счастья спеты.
Не лучше ли, поплакавши вначале,
Принять, как добрый знак, что милой ссорой
Мы месяц молодой с тобой встречали?
То с неба послан светлый дождь, который
Наперекор пророческой шептунье
Твердит, что месяц будет легкий, спорый,
Когда луна омылась в новолунье.
1916

390

Успокоительной прохладой
Уж веют быстрые года.
Теперь, душа, чего нам надо?
Зачем же бьешься, как всегда?
Куда летят твои желанья?
Что знаешь, что забыла ты?
Зовут тебя воспоминанья
Иль новые влекут мечты?
На зелень пажитей небесных
Смотрю сквозь льдистое стекло.

Нечаянностей нет прелестных,
К которым некогда влекло.
О солнце, ты ведь не устало...
Подольше свет на землю лей.
Как пламя прежде клокотало!
Теперь ровнее и теплей.
Тепло волнами подымаясь,
Так радостно крылит мне грудь
Что, благодарно удивляясь,
Боюсь на грудь свою взглянуть.
Все кажется, что вот наружу
Воочию зардеет ток,
Как рдеет в утреннюю стужу
Зимою русскою восток.
Еще волна, еще румянец...
Раскройся, грудь! Сияй, сияй!
О, теплых роз святой багрянец,
Спокойный и тревожный рай!
1916

391

По-прежнему воздух душист и прост,
По-прежнему в небе повешен мост,
Когда же кончится постылый пост?
Когда же по-прежнему пойдем домой,
Когда успокоимся, милый мой?
Как жались мы тесно жалкой зимой!
Как стыла и ныла покорная кровь!
Как удивленно хмурилась бровь!
И теплилась только наша любовь.
Только и есть теперь одни мечты,
Только и есть теперь Бог, да ты,
Да маленький месяц с желтой высоты.
Месяц квадратит книги да пол,
Ты улыбнешься, опершись на стол...
Какую сладкую пустыню я нашел!
1920

392

Это все про настоящее, дружок,
Про теперешнее время говорю.
С неба свесился охотничий рожок,
У окна я, что на угольях, горю,
Посмотреть бы на китайскую зарю,
Выйти вместе на росистый на лужок,
Чтобы ветер свежий щеки нам обжег!
Медью блещет океанский пароход.
Край далекий, новых путников встречай!
Муравейником черно кишит народ,

В фонарях пестрит диковинный Шанхай.
Янтареет в завитках душистых чай...
Розу неба чертит ласточек полет,
Хрусталем дрожит дорожный table d'hote {*}.
Тучкой перистою плаваются мечты,
Неподвижные, воздушны и легки,
В тонком золоте дрожащей высоты,
Словно заводи болотистой реки.
Теплота святой, невидимой руки
Из приснившейся ведет нас пустоты
К странным пристаням, где живы я да ты.

1920

{* Табльдот; стол, накрываемый в ресторане для общей еды (фр.). - Ред.}

393. СМЕРТЬ

В крещенски-голубую прорубь
Мелькнул души молочный голубь.
Взволненный, долгий сердца вздох,
Его поймать успел ли Бог?
Испуганною трясогузкой
Прорыв перелетаю узкий.
Своей шарахнусь черноты...
Верчу глазами: где же ты?
Зовет бывалое влечение,
Труда тяжеле облегченье.
В летучем, без теней, огне
Пустынно и привольно мне!

1917

394

Унылый дух, отыди!
Ты, праздность, улетай!
И в здешней Фиваиде
Найдем утешный край.
"Вы - дети не изгнания!"
Проклинал Параклит
И радостное зданье
Построить нам велит,
Пологие ступени
К прозрачным воротам.
Внизу что значат тени,
Узнаешь зорко "там".
И зори, и зарницы
Предвосхищенья слав,
Зачем же сумрак снится,
Сиянье отослав?
Легчи мне душу, Отче,
И окрыли персты:
Ведь я же - Божий зодчий,

Как приказал мне Ты.

1916

II. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

395. ФУЗИЙ В БЛЮДЕЧКЕ

Сквозь чайный пар я вижу гору Фузий,

На желтом небе золотой вулкан.

Как блюдечко природу странно узит!

Но новый трепет мелкой рябью дан.

Как облаков продольных паутинки

Пронзает солнце с муравьиный глаз,

А птицы-рыбы, черные чаинки,

Чертят лазури зыблемый топаз!

Весенний мир вместится в малом мире:

Запахнут миндали, затрубит рог,

И весь залив, хоть будь он вдвое шире,

фарфоровый обнимет ободок.

Но ветка неожиданной мимозы,

Рассекши небеса, легла на них,

Так на страницах философской прозы

Порою заблестит влюбленный стих.

1917

396

Далеки от родного шума

Песчинки на башмаках.

Фиалки в петлице у грума

Пахнут о дальних лугах.

И в стриженной пыльной аллее,

Вспоминая о вольном дне,

Все предсмертнее, все нежнее

Лиловлеют на синем сукне.

1914

397

Тени косыми углами

Побежали на острова,

Пахнет плохими духами

Скошенная трава.

Жар был с утра неистов,

День, отдуваясь, лег.

Компания лицеистов,

Две дамы и котелок.

Мелкая оспа пота

В шею нельзя целовать.

Кому же кого охота

В жаркую звать кровать?

Тенор, толст и печален,

Вздыхает: "Я ждать устал!"

Над крышей дырявых купален